
Ольга ФОКИНА

ВМЕСТЕ С РОДИМЫМ ПОЛЕМ

Я много думала о жизни родной деревни и пришла к выводу, что сельское хозяйство, сельский житель — это не только производство продуктов питания, это история жизни народа, и относиться к сегодняшнему дню только как к сегодняшнему — нельзя, тут неумолима связь с прошедшим и будущим, и ее надо глубоко знать и прозорливо предвидеть. Безусловно, и человек из города, приехавший на сезонные работы в сельское хозяйство, многое и увидит, и поймет, и обоснует, а все-таки истину может сказать только сам истинный селянин, переживший все превратности судьбы вместе с родимым полем.

При планировании необходимо учитывать удаленность хозяйств от центра, состояние путей сообщения, возрастной и количественный состав населения, моральное состояние и духовные запросы жителей данного хозяйства; одним словом, необходим индивидуальный подход и безусловное понимание и уважение работающих. Хозяйство — это живой организм, от его всестороннего здоровья зависит здоровье района (области).

Чувство коллективной ответственности за все происходящее в хозяйстве, зависимость собственного благополучия от благополучия общего и вытекающая отсюда взаимодисциплина, воспитанная за десятки лет колхозного строительства, не должны уступать места берущим в иных колхозах верх отношениям Хозяина и Работника, где понятие *хозяин* мыслится расплывчато, ибо оно многоступенчато и непостоянно, дробно и неопределенно, слишком объемно, что ли. Работ-

ник же, перестав чувствовать хозяйство своим, теряет к нему интерес, кровную привязанность, снимает с себя ответственность за общее и предпочитает, отслужив (в лучшем случае) положенные часы, в общее не вмешиваться; в худшем случае — от общего урвать в свою пользу.

Очень огорчает культивируемое в иных семьях пренебрежение к труду, смахивающее на прежнее, барское; терпимое отношение к пьянству; принижение в этих семьях духовных ценностей и возвеличение материальных; усиливающаяся роль ловкачества в противовес честному труду; возрастающий почет деньгам, а не совести. Тревожит меня однообразие и безвкусица новых типовых построек, возводимых холодными руками пришлых строителей, не учитывающих ни национальных, ни местных особенностей жизни. Сам селянин перестает быть творцом Красоты и Поэзии; имея деньги, он предпочитает все это купить.

Многим бесталанным руководителям хозяйств равнодушный механический исполнитель нравится больше, чем работник думающий и понимающий, смеющий указать на недостаток, потребовать его устранения и тем самым «подрывающий авторитет» руководства. В таких хозяйствах думающие обычно не уживаются. Без чувства хозяина на земле работать нельзя.

Рядовые сельхозработники, убедившись на опыте многих лет, что их мнение ровно ничего не значит и лучше держать его при себе, отвыкают в таких колхозах приходиться к руководству с предложениями, выступать на собраниях и даже посещать их. Это — не их дело. За них думают — в конторе ли, в райцентре ли, они спокойно спят и спокойно глядят на неурядицы в хозяйстве: страна, мол, большая, в случае чего государство поможет, наше дело — сторона, лишь бы только деньги платили да продукты в магазин возили. Что, кстати сказать, и делается.

Сейчас много говорят и пишут о «закреплении» молодежи в селе. Нужно ли организовывать этот процесс?

Наверное, нужно, поскольку естественное течение дел давно нарушено. Может, одна-другая доярочка и зацепится на постоянное местожительство в деревне — замуж, например, выйдет за механизатора... Только не радуется меня подобная организация, ибо не скоро сельский уголок, в жизни которого полным-полно неурядиц, покажется молодой работнице родным и милым, — а ведь может и совсем не показаться. И не будет у нее любви — ни к животным, ни к травам, ни к людям, с ней работающим, — и станет она

заглушать тоску каким-нибудь крепким сиюминутным удовольствием. Живя на земле, надо пускать в нее корни; но людей, как и растения, далеко не всех можно пересаживать черенками. На мой взгляд, надо всеми силами поддерживать коренные сельские семьи, на их детей, внуков и правнуков рассчитывать, даже если эти внуки-правнуки и бывают в деревне только как гости,— все равно в их крови, в их душе заложены земледельческие гены, они легко привыкнутся на почве предков, чем стихийно собранные отряды энтузиастов.

Нечерноземную деревню, где пока еще в достатке лесов, хочу видеть деревянной. Дерево — здоровее и красивее камня, для него не надо заводить специальное производство, оно само вырастет, если его не губить хищнически. Нельзя подчистую истреблять леса возле деревень, если бы это даже и выгодно было для животноводства-полеводства. Лес — неисчислимое богатство, мы вполне его оценим, видимо, только тогда, когда останемся без леса. Не случайно ведь строилось большинство деревень по старинному способу: на взгорке около воды, которую конечно же следует тщательно оберегать от загрязнения чем бы то ни было. Выпасы скота непременно вынести за пределы населенных пунктов, пусть под окнами зеленеет и пестреет цветами сенокосный луг, а не сплошь усаженный коровьими лепешками «культурный выпас». Водопой для скота выгородить, а не занимать ими всю реку. Не строить животноводческие фермы и гаражи вблизи от жилья. Пусть одну, но хорошую дорогу для транспорта провести за деревней, а не по ее центральной улице, категорически запретить водителям самовольно прокладывать дороги по незащищенной почве луга и поля. И конечно, негоже забывать одну из самых святых заповедей — беречь землю: не заваливать ее плодородные участки металлоломом, не рыть беспорядочно канав и траншей, учесть все бесхозные участки и разумно их употребить, чтобы ни один гектар не выглядел сиротой. Непременно иметь гужевой транспорт, чтобы не гонять тяжелую технику за десятком жердей для личного, скажем, огорода. Иметь отдельную санную (тележную) дорогу, неприкосновенную для техники.

Дом должен строиться по проекту его будущего хозяина. Надо предоставлять ему стройматериалы и, по необходимости, рабочие руки, но удобство и красоту хозяин должен изобретать сам. Русскую печь в условиях Севера считаю необходимой. Погреб, колодец, скотную стаю с по-

ветью, личный огород — без всего этого тоже не мыслю себе деревню. Свой овощ всегда вкуснее купленного, свое молоко — приятнее почерпнутого из общей фляги, и тот, кто в силах, безусловно, будет стремиться к более вкусному и питательному, то есть иметь свое. Правда, личное хозяйство привязывает к дому, но если бы крестьянская семья стала помноголюднее, проблема незаменимости около скотины единственной хозяйки отпала бы сама собой. В своем хозяйстве ничто не пропадает зря, все находит разумное применение, и дети рано включаются в процесс труда — понятного, здорового, необременительного, закономерного, от которого они естественно переходят к труду общезначимому. *Влюбленные в свое дело, в свою землю, в своих людей, селяне не захотят менять свое место, какие бы блага ни обещались им «на чужой стороне».*